

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

№ 3

МОСКВА
КРЕМЛЬ.

ПЕТРОГРАД
СМОЛЬНЫЙ.

1ое
ИЮЛЯ
1919г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВЫХОДИТ ОДНОВРЕМЕННО НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, НЕМЕЦКОМ и АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.

№ 3

1 ИЮЛЯ 1919 Г.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА:

ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМН. 32-33. Тел. 161-20.

РЕДАКЦИЯ:

ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КАБ. Г. ЗИНОВЬЕВА.

ПАМЯТИ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ и ЛЬВА ИОГИХЕСА.

(Из личных воспоминаний).

Посвящая эту статью памяти товарищей Люксембург и Иогихеса, я соединяю их имена не только потому, что их постигла общая судьба—мученическая смерть от руки озверевших ставленников немецких социал-предателей, но также и потому, что эти два выдающихся деятеля были тесно связаны тридцатилетней дружбой и совместной идейной работой.

Роза Люксембург родилась в 1870 году в польском городке Замость, в раньше зажиточной, но потом обедневшей еврейской семье. В начале восьмидесятых годов семья переехала в Варшаву, и Роза поступила в женскую гимназию. О семейной жизни у нее сохранились самые радостные воспоминания. Мать Розы была образованная женщина. Она любила читать с детьми произведения польских и немецких поэтов, и впечатлительная Роза, страстно увлекаясь поэзией, под влиянием этих чтений сама начала писать стихи. Особенно она полюбила Мицкевича: впоследствии в ее литературной деятельности редко найдется польская статья без цитаты из его поэм. Семье часто приходилось бедствовать, и нередко даже постель носили к ростовщику, чтобы заложить ее за несколько рублей, но это не вызывало, как часто бывает, озлобления и упадка духа. Помню, Роза рассказывала, как однажды она зажгла лампу бумажкой, а потом оказалось, что это были последние в доме деньги, которые с трудом достал отец; старик не только не наказал своей дочери, но, опомнившись от первого впечатления, утешал ее шутками о дорожной спичке. Эта жизнерадостная атмосфера несомненно способствовала развитию умственных способностей будущего борца за свободу.

Способности эти были большие и сказались уже в училище. Роза блестяще окончила гимназию, и ей не дали золотой медали только потому, что уже тогда ее „политическая благонадежность“ была под сомнением у директорши.

Подозрения были основательны: наша гимназистка принадлежала к кружку социалистической молодежи, где читали брошюры, издаваемые партией „Пролетариат“ и мечтали о деятельности среди рабочих. Жандармы не спали, и скоро, в 1888 году, восемнадцатилетней „заговорщице“ пришлось бежать за границу. Устроил ей побег, кажется, лучший в то время конспиратор партии, товарищ Каспржак, погибший впоследствии на виселице.

Люксембург попала в Цюрих. Жила она там в семье немецкого эмигранта, социал-демократического публициста, доктора Карла Любека. Он был женат на польке, и Роза чувствовала себя в этой семье, как дома. Любек был человек большого ума и громадных знаний, но тяжело больной, разбитый параличом. Между ним и юной студенткой сложились самые дружеские отношения; она под его

диктовку писала статьи, которыми больной зарабатывал свой хлеб, и по целым часам беседовала с ним; он руководил ее занятиями. Несомненно, тов. Люксембург в эти первые годы своего студенчества многим обязана этому редкому человеку.

* * *

В 1891 году Люксембург познакомилась с товарищем Иогихесом. Сведений о его юных годах у меня нет, и, насколько я знаю, нет их и у других товарищей, работавших с ним долгие годы. Это объясняется тем, что Иогихес не любил говорить о себе лично и не посвящал никого в свои личные дела. Быть может, найдутся друзья, которые знали его ближе, они расскажут о детстве и юности этого борца.

Сообщаю то, что мне удалось узнать: родился Лев Самуилович Иогихес в Вильне в 1867 году в очень богатой еврейской семье. Он рано начал принимать участие в революционном движении и в 1888 году был арестован виленскими жандармами „за деятельную пропаганду противоправительственных идей среди рабочих“. Его приговорили к четырем месяцам тюрьмы и отдали под гласный надзор. В 1890 г., чтобы не идти на военную службу, он бежал за границу. Очутившись в Швейцарии, он вошел в сношения с Плехановым, но скоро с ним разошелся. Это было время, когда в кругах русской социал-демократии господствовали очень неприглядные отношения. В России движение только нарождалось; в эмиграции Плеханов хозяйничал по собственному усмотрению. Кто не ладил с ним лично, тот попадал в опалу и за ним оспаривали право называть себя социал-демократом. Товарищ Иогихес был не из покладистых и не пожелал подчиняться такому режиму. С ним скоро сошлись другие члены эмиграции и решили действовать самостоятельно. Самым насущным был вопрос о революционном издательстве: и эмиграционная молодежь и рабочие кружки в России страшно нуждались в литературе. Иогихес располагал довольно большими средствами и, собрав кружок сотрудников (Кричевский, Рязанов, Парвус), приступил к издательству „Социал-демократической библиотеки“. Тут сразу сказались его организаторские способности. Сам он не писал, но редактором был образцовым, до педантизма аккуратным; книжки библиотеки издавались великолепно, хорошо был поставлен и транспорт.

Одновременно с издательской работой Иогихес занялся пополнением своих научных знаний. У него были выдающиеся умственные способности, он быстро ориентировался в самых сложных вопросах, обладал великолепной памятью и отличался начитанностью.

И удивительное дело: товарищ Грозовский (под этим псевдонимом он выступал тогда) умел давать партийным публицистам отличные советы; заинтересовавшись каким-нибудь вопросом, он был в состоянии составить самый точный и удачный план его разработки; но писать самому,—хотя бы дело шло о газетной статье,—ему было трудно. Он сознавал это, и только крайняя необходимость заставляла его братья за перо.

И вот, познакомившись с Розой Люксембург, Иогихес заинтересовался вопросами польского социализма, которые ее тогда волновали. Он изучил польский язык, которого до тех пор не знал, изучил его так основательно, что впоследствии с большим рвением истреблял руссицизмы в статьях польских товарищей, когда был редактором польских журналов; вскоре он совсем отказался от участия в русском движении, посвятив все силы польскому социал-демократическому движению.

Вопросы польского социализма в то время были чрезвычайно сложны и интересны. Революционное социалистическое движение, выразителем которого стала партия „Пролетариат“ с Людовиком Варинским и Куницким во главе, переживала в конце восьмидесятих годов тяжелый кризис. Партия сосредоточивала свои силы на терроре и не в состоянии была организовать рабочие массы, которые чрезвычайно быстрое развитие капитализма в Польше инстинктивно толкало на чисто экономическую борьбу. В Варшаве образовался „Рабочий Союз“, который старался руководить стачечным движением и вместе с тем вел по мере сил марксистскую пропаганду. Между тем, в партии „Пролетариат“ произошел перелом: под влиянием всеобщего в Европе разгара националистических стремлений и ложно толкуя принцип массового движения рабочих, эмигрантские кружки, стоявшие во главе партии, прониклись тенденцией сочетания социализма и патриотизма. Польша—утверждали публицисты этого направления—опередила в экономическом развитии Россию, под политическим игмом которой она находится, и поэтому стремление польского пролетариата должно быть освобождение Польши и создание независимого польского государства, с целью проложить себе дорогу к социализму. Это течение повело к созданию Польской Социалистической Партии (П. П. С.).

В Польше с этим течением боролся „Союз рабочих“, а в эмиграции—главным образом в Цюрихе—нашлась группа молодежи, которая стремилась противопоставить ему обще-марксистскую линию. К этой группе принадлежал зверски убитый, польскими жандармами товарищ Веселовский; в ней были студенты, которые впоследствии ушли из рядов борцов революции, но проявили себя в других областях (между прочим,—один из самых выдающихся поэтов современной Польши—Вацлав Берент).

Создать теоретическое обоснование польского марксизма, польского социалдемократического движения выпало на долю Розы Люксембург, и дельным самоотверженным сотрудником ее на этом поприще стал товарищ Иогихес-Грозовский.

Тезисы, которые легли в основу нового течения, таковы: в поработанной Польше развивается капитализм—рука об руку с капитализмом России, Германии и Австрии; по необходимости создается теснейшая связь между буржуа-

зией польских провинций и буржуазией этих господствующих государств; классовая борьба в Польше обостряется и делает невозможным национальное восстание против национального поработания. Задача польского пролетариата состоит в совместной с русскими, немецкими, австрийскими рабочими борьбе против капиталистического строя; эту борьбу, политическую и экономическую, необходимо вести, считаясь с политическими условиями в каждом государстве, а посему необходима теснейшая связь с российской, немецкой, австрийской социалистическими партиями; при этом сохраняется, конечно, автономия, которая дает возможность удовлетворять и культурные интересы польского пролетариата. Только всеобщая революция, которая сломит капиталистический строй, которая уничтожит всемирное владычество капитала,—только она приведет к освобождению всех народов, в том числе и польского; пока господствует капиталистический строй, создание независимого польского государства неосуществимо; итак, не борьба за независимую капиталистическую Польшу, а борьба за низвержение капиталистических государств вообще—вот задача польских пролетариев.

Все это сегодня кажется неоспоримым, но тогда приходилось затратить огромный труд, чтобы проложить путь этим идеям. Роза Люксембург проявила сразу выдающийся публицистический талант и блестящие теоретические дарования, и мы охотно признавали ее своим теоретическим руководителем. Товарищ Иогихес был ее дельным помощником, хотя в это время только самые близкие люди знали об этой роли его.

* * *

Вскоре новому течению пришлось выдержать первый бой на широкой арене. Осенью 1891 г. царской жандармерией был разгромлен „Союз Рабочих“: почти все его руководители были арестованы. Но, несмотря на это, в 1892 г. первомайская демонстрация приняла громадные размеры и показала, что массовое движение рабочих стало решающим фактором в общественной жизни Польши.

В 1893 г. оказалась возможность обновить и расширить нашу революционную деятельность в крае. Одним из самых дельных организаторов явился товарищ Веселовский. К новой организации присоединились рабочие из „Союза“ и те, которые остались из партии „Пролетариат“. Мы решили назвать себя „Социалдемократия Царства Польского“. Это название, звучащее странно для многих, (какое, мол, сочетание социализма с „царством“!) было выбрано с очень определенной целью: в нем высказывалось, что мы, согласно своей теории, строим организацию на определенной территории, именно, в той части Польши, где пролетариату приходится бороться рука об руку с пролетариатом всей России. Как раз в этом году созывался в Цюрихе международный социалистический конгресс. Мы решили выступить на нем перед пролетариатом всего мира. Варшавские рабочие прислали мандат мнѣ, заграничные группы дали мандаты Розе Люксембург и тов. Варшавскому. Против нас повели бешенную кампанию вожаки П. П. С.,—кампанию, в которой они прибегли к гнуснейшему средству, выдвинув против т. Варшавского заведо-

мо ложное обвинение, что он „русский агент“. Так как среди них были люди, давно поддерживавшие хорошие отношения с вождями Интернационала — с Энгельсом, Вильгельмом Либкнехтом и другими, то им легко было представить дело в таком виде, что мы, мол, являемся кучкой интриганов, нарушающих единство польского социализма. Несмотря на блестящую речь Розы Люксембург, опровергавшую эту ложь, конгресс решил не признать мандатов ее и тов. Варшавского. Очень неблагоприятную роль сыграл в этом деле Плеханов: он был хорошо знаком с польскими делами, и достаточно было одного слова этого популярного в Интернационале человека, чтобы изобличить интригу, но он предпочел молчать и потом признался, что ему недовольно было „итти против мнения старика Энгельса“. К сожалению такие вещи и впоследствии нередко случались во втором Интернационале: дела там часто решались согласно симпатиям и антипатиям популярных вождей. Мы потерпели поражение, но все-таки в Интернационале заинтересовались вопросами польского социализма, и нам представилась возможность разъяснить эти вопросы во французской и немецкой печати. Эта задача опять ложилась прежде всего на Розу Люксембург.

Разработка вопросов польского рабочего движения подвигалась вперед, и движение крепло. Роза Люксембург в эти годы посещала университетские лекции, и в 1897 году написала блестящую докторскую диссертацию на тему: „Развитие польской промышленности“. В семинарии она отличалась не только солидными знаниями, но также и блестящей диалектикой, что проявлялось в частных спорах с профессором политической экономии, Юлианом Вольфом, ярым противником марксизма. Мы просто устраивали спорт: я бывало, навожу уважаемого профессора на скользкую для него тему, а потом мы во всеоружии марксизма доказываем ему, что он ни бельмеса в этих вещах не смыслит. Нужно отдать справедливость и Цюрихскому университету: несмотря на наши выступления, факультет не делал нам обоим никаких препятствий в приобретении докторского звания.

* * *

В 1897 году Роза Люксембург, окончив университет, решила переехать в Германию; чтобы иметь возможность открытой общественной деятельности, она заключила фиктивный брак с одним из сыновей д-ра Любека и таким образом оказалась германской подданной. Она работала среди польских рабочих в Познани и Силезии и в то же время писала в немецких газетах и в научном органе партии „Neue Zeit“. Я годом раньше поехал в Германию и работал в Дрездене в органе, редактором которого был Парвус. Но в 1898 г. нас обоих выслали из Саксонии, и Роза Люксембург была назначена редактором дрезденской газеты, но не поладила там и вскоре стала сотрудничать в „Лейпцигер Фольксцейтунг“, редактором которой был лучший в то время немецкий журналист Шенланг. После его смерти она одно время редактировала этот орган.

Это было время, когда в немецком рабочем движении начался кризис: выступил Бернштейн, и стал распространяться „ревизионизм“. Роза Люксембург бросилась в полемику, и ее блестящие статьи

способствовали выяснению тактической линии. Вскоре вопросы тактики стали актуальными для всей Европы: были подняты вопросы об участии социалистов в буржуазных правительствах (так называемый „милберанизм“) и вообще началась острая борьба между реформистским и революционным течением. В этой борьбе сказался во всей своей силе диалектический и полемический талант Розы Люксембург: она вскоре стала одним из самых видных бойцов революционного течения. Польская социалдемократическая партия назначила ее членом международного бюро, и она с тех пор беспрерывно вела борьбу за революционные идеи на самом широком поприще. Неотлучным сотрудником ее и тут был Иогихес. Стоявшие близко к Розе хорошо знают, что она не давала в печать ни одной полемической или программной статьи, пока он не проверил ее.

Одновременно оба товарища не прекращали работы для польского движения. Квартира Люксембург в Фриденау (предместье Берлина) была центром, куда направлялись товарищи, приезжавшие из Варшавы посоветоваться о всех вновь возникающих вопросах; туда же приходил тогда тов. Иогихес, в руках которого сходились нити, связывающие партию в крае с товарищами, работавшими для нее в эмиграции.

Так прошли, в постоянной борьбе за революционную идею, годы с 1897 по 1905. В этой борьбе Роза Люксембург оказала пролетариату незабвенные услуги, ни на шаг не отступая от ясной линии революционного марксизма. Характерно для ее личности, что, несмотря на всю беспощадность и подчас даже чрезмерную резкость ее полемики, выдающиеся ее противники (между которыми бывали иногда и Жан Жорес и Бебель), — относились к ней не только с уважением, но и с любовью. В тесной дружбе жила она тогда и с Карлом Каутским, на которого в эти годы она имела большое влияние, толкая его вперед, когда у него появлялись оппортунистические тенденции.

Разразилась российская революция 1905—1906 года, и польский пролетариат оказался в смертельной схватке надежным авангардом. Тов. Иогихес, поспешил в Варшаву. Туда же рвалась Роза. Тщетно мы все заявляли, что ей следует оставаться в Берлине, так как нам нужна ее научная работа, для которой трудно найти подходящие условия на родине. Вопреки нашим категорическим заявлениям, в одно прекрасное утро она приехала с немецким паспортом в Варшаву. Тышка — этот псевдоним принял, в то время Иогихес — негодовал, но ему пришлось смириться. Роза заявила, что ни за что не покинет поста и стала работать в нашей газете.

Увы — недолго: через несколько недель она попала в лапы охранки, которая скоро установила ее личность. К счастью, в это время и среди охранников уже началось разложение. Угрозой, что наши дружинники жестоко отомстят охранке за Розу, и взяткой удалось добиться того, что ее освободили под залог, а вскоре после этого товарищи отправили ее обратно за границу: она протестовала, но тут уж мы оказались тверды.

Попался вместе с ней и Тышка. Он работал все время великолепно. Благодаря ему, наша газета была поставлена блестяще. В редакции, устроенной в конспиративной квартире в центре города, он ввел строжайший режим. По обыкновению, сам

он не писал, но не только каждая статья, а почти каждая заметка писались по его указаниям, „чтобы номер у нас был с начала до конца из одного куска“ — и ни одна строчка не попадала в типографию, тщательно им не просмотренная. Он держал сотрудников, что называется, в ежовых рукавицах и не признавал ни усталости, ни „настроенный“. „Нужно работать,— вот и весь сказ“; и видя, как он неумоим с утра до ночи, все поддавались этой прекрасно организованной работе. Но не только за литературской братией смотрел он в оба: не давал он спуску также типографщикам и „техникам“. Боже упаси, чтобы для заметки был взят не тот шрифт, который был отмечен на рукописи. Боже упаси, чтобы номер не отвечал всем правилам типографского искусства. А неточная работа экспедиции считалась недопустимым преступлением. Несчастному „технику“ иногда через месяц приходилось выслушивать упрек в том, что тогда-то пять номеров, назначенных туда-то, попали с опозданием. Он помнил все и следил за всем. А между тем, кроме редакторской у него была громадная организационная работа. Он знал в точности весь ход партийной работы во всех мелочах и следил неусыпно за всем. Но эта кропотливая работа не лишала его широкого кругозора, и во всех вопросах тактики он отличался выдающейся выдержкой и предусмотрительностью.

Его арестовали в феврале 1906 г. вместе с Люксембург, опознали, привлекли к суду и приговорили к восьми годам каторги. Но в феврале 1907 г. товарищам удалось устроить ему побег из каторжной тюрьмы. Оборудовал это дело тов. Ганецкий: подкупили сторожа, доставили костюм и увезли. Помню, он прямо из тюрьмы явился в редакцию, где ему пришлось пробыть несколько суток, пока могли найти более надежную квартиру. В редакции дела шли уже менее успешно: сотрудники почти все сидели, наладить типографию было все труднее, и наша газета уже не была так изящна. Тышка первым делом потребовал себе комплект, просмотрел и ужаснулся: — уйма опечаток. Я указал, что корректору придется работать, подчас сидя под машиной, подчас в подвале. Но это не убедило его: „для корректуры нужны голова и руки, пока голова на плечах и в руке можно держать карандаш,— все равно, где работаешь“. В самом деле — Тышка в состоянии был так работать. Потом он сел и за ночь написал ряд инструкций, которые ему показались нужны, чтобы дело поставить лучше. Удачно проехал границу,— помню, до границы вез его на лошадах революционер-офицер,— Тышка, сейчас же взялся за работу и руководил заграничной группой, которая вновь приобретала значение по мере того, как в Польше и во всей России побеждала контр-революция.

Встретился я с ним вновь за границей на Лондонском съезде Российской социал-демократической партии летом 1907 г. Шла борьба против меньшевиков, и Тышка, который за все эти годы все еще был в контакте с русскими товарищами, явился естественным образом руководителем польской группы. Он был в курсе всех русских дел до мельчайших подробностей и принимал самое деятельное участие в той сложной работе, которую пришлось вести на съезде, где „склочные дела“, приводили к чудовищной путанице. В подобных слу-

чаях он оказывался „дипломатом“, ведущим свою линию с упорством и решительностью, но эта „дипломатия“ никогда ни на шаг не отступала от строго революционной линии. За это его, конечно, очень недолюбливали „меньшевики“ и бундисты. Подчас, правда, приходилось также ссориться с товарищами „большевиками“, с которыми мы расходились по организационным вопросам. Но благодаря выдержке Тышки, отношения между большевиками и польской группой всегда оставались удовлетворительными.

* * *

С 1907 года Розе Люксембург пришлось целиком окунуться в немецкие дела. Приближался тот роковой период, когда по внешнему виду все в партии было благополучно, а на деле партия гнила на корню. Казалось, радикальное течение победило, партийные съезды принимали очень радикальные резолюции, но те, кто умел смотреть, видел, что этот радикализм по существу хуже всякого оппортунизма: в партии развивался противный карьеризм, развивалась до чудовищных размеров партийная бюрократия, была радикальная фраза, но не было революционного духа. С этим состоянием, которое, наконец, довело партию до моральной катастрофы 4 августа 1914 года, бороться было очень трудно. Из влиятельнейших вождей старик Бебель потерял прежнюю революционную чуткость, Карл Каутский, никогда не имевший соприкосновения с жизнью партии, все больше уходил в книжный догматизм. Новые люди в рядах радикалов— все эти Шейдеманы, Эберты, Гаазе никогда не были революционерами в душе и дальше своего носа ничего не видели; остальные просто были пошлыми карьеристами. Не удивительно, что при такой атмосфере вожакам удавалось изображать не перестававшую бить в набат Розу Люксембург и ее единомышленников „придирчивыми критиканами“, которые только из „любви к склоке“ нарушают мир в партии. Этому течению поддался, наконец, и Каутский, и поведение его в 1912 г. повело к разрыву многолетней дружбы. Этот слабохарактерный книжник отвалился, наконец, обругать Люксембург и ее сторонников „анархо-синдикалистами“.

Несмотря на эту терзавшую нервы борьбу, Роза в эти годы нашла время для основательной научной работы. Ее назначили учителем политической экономии в партийной школе, и она оказалась не только образцовым педагогом, но кроме того, подготовляя чрезвычайно добросовестно свои лекции, она написала великолепный курс марксистской экономии, который, к сожалению, не появился в печати (нужно опасаться, что бандиты Носке, которые в роковые январские дни ворвались в ее квартиру, уничтожили и эту и много других рукописей). Тогда же был издан другой крупный труд Розы— „Аккумуляция капитала“.

В то же время это были годы самой плодотворной ее агитационной деятельности. Травля Розы Люксембург главарями партии не действовала на массы. Во всех городах, даже в центрах ревизионизма, рабочие любили слушать „нашу Розу“, и ее увлекательный ораторский талант действовал даже на зараженных оппортунизмом рабочих. Помню, один товарищ (кажется, из Мангейма) рассказывал, как речь Люксембург действовала

самым поразительным образом: рабочие заявили своим вожакам, что теперь они видят, как те их обманывали, и потребовали, чтобы Люксембург была приглашена для целого ряда лекций и дискуссий по партийным вопросам. Таких примеров было много.

В 1913 г. Люксембург произнесла во Франкфурте на Майне речь против милитаризма, ее отдали за эту речь под суд и приговорили к году тюрьмы. Но когда еще шла апелляция в высшую инстанцию, она в Берлине произнесла новую речь, в которой между прочим сказала, что в казармах Германии каждый день совершаются над солдатами бесчеловечные насилия и издевательства. За это ее вновь привлекли к суду. Защита взялась доказать правду указанных слов и через партийные газеты пригласила свидетелей. В июне 1914 г., за несколько недель до начала всемирной войны, начался процесс, и в первый день заседания суда явилось несколько сот свидетелей, готовых подтвердить ужасы казарм, а защитник заявил, что у него таких свидетелей записано несколько тысяч. Правительство испугалось, процесс был отложен и не возобновлялся.

Тов. Тышка в эти годы работал в польской и русской партии. В Варшаве начали издавать легальный еженедельный журнал, но так как все писатели партии должны были эмигрировать, то редакция велась в Берлине и во главе ее стал, конечно, Тышка. Он жил тогда в предместье Берлина—Штеглице, в гостинице, и Франц Меринг, знаток прусской истории, сделал открытие, что гостиница эта была некогда дворцом генерала Врангеля, усмирителя революции 1848 г. Каждый раз, увидя Тышку, старик уверял, что Врангель непременно переворачивается в гробу при мысли, что в бывших его хоромах живет такой революционер. В комнатке этой гостиницы была наша редакция, и Тышка ввел опять строгий режим, и ругательски ругался, если работа шла неаккуратно. Вести редакцию для Варшавы из Берлина действительно можно было только при образцовой аккуратности, а литературная братия в этом отношении никуда не годилась. Однако, благодаря энергии Тышки дело шло, несмотря на то, что журнал постоянно закрывали, и он все возобновлялся под другим названием; просуществовал он около года, меняя название, кажется, раз семь.

В российской партии Тышке пришлось работать потому, что он был назначен польской партией, вошедшей в состав общероссийской как федеративная часть, в Центральный комитет. А так как он в работе был аккуратен до педантизма, считая нужным сдобывать обо всем, касающемся общих дел, правлению польской партии, которое периодически собиралось в Берлине, то ему пришлось вести целую канцелярию, а вести ее приходилось единолично и вдобавок в невыносимо тяжелых условиях: жил он по чужому паспорту; каждую минуту могла нагрянуть полиция, поэтому „канцелярия“ помещалась в квартирах немецких товарищей, где хранились бумаги, а для корреспонденций имелись адреса других немцев. Однажды мы насчитали, что таким образом Тышке приходилось иметь дело с целой дюжиной квартир. От этой системы он не отступал по конспиративным соображениям: по его уверению материалы были размещены таким образом, что даже при провале одной квартиры, поли-

ция там всегда нашла бы только частичку, с которой ничего сделать не сможет. Я однажды спросил: „что же будет, если он вдруг заболит, ведь никто не будет в состоянии разобраться в этой работе?“ Ответ был простой: „мне болеть не полагается“. В самом деле, только изумительная работоспособность и железное здоровье позволяли товарищу Тышке справляться с той уймой работы, которую он брал на себя.

* * *

Вспыхнула война. Тов. Люксембург с первого же дня принялась за пропаганду против войны. Она рассчитывала, что ей удастся объединить для совместной работы избранный круг немецких товарищей. Первым делом ей показался нужным манифест, подписанный хотя бы небольшим количеством популярных среди рабочих лиц. Тышка сразу решил, что ничего не выйдет. Мы с Розой все же сделали попытку. Но на ее приглашение собралось в ее квартире для обсуждения этого вопроса всего семь человек, в том числе из выдающихся партийных деятелей только двое: Меринг да Ленч. Последний сначала обещал подписать, но потом пошел на попятный. Манифест пришлось бы подписать только именами Люксембург, Цеткиной и Меринга, что, конечно, было невымыслимо, и проект пришлось оставить. Непосвященный в немецкие дела читатель, быть может, спросит: „а Либкнехт?“ К сожалению, Либкнехт тогда еще колебался и только через несколько месяцев решился вступить в бой против войны.

Пришлось решиться на конспиративную деятельность. Готовыми к ней оказались очень немногие. Кружок, который приступил к работе, состоял из товарищей Люксембург, Тышки, Меринга, супругов Дункер, Эрнста Мейера, Вильгельма Пика, Эберлейна, Ланге и меня, — вот, кажется, и все. „В технике“ помогали нам Матильда Якоб и Езерская. Положение было неважное: у нас не было ни денег, ни партийного аппарата и, кроме того, у немецких товарищей не было ни малейшей сноровки в конспирации. Но все же дело пошло. Тышка и Мейер взялись поставить типографию, Пик, Эберлейн и Ланге при помощи своих связей создали возможность распространять литературу, но и тем и другим делом скоро пришлось руководить главным образом опять Тышке. Таким образом, мы могли издать ряд листовок против войны. Кроме того, мы решили приступить к изданию легального журнала „Интернационал“, но он после первого же номера был закрыт.

В феврале 1915 г. приговор против Розы Люксембург был утвержден в последней инстанции, и ее заключили на год в тюрьму. Однако, она ухитрилась писать и пересылать нам—главным образом благодаря дельной, безгранично преданной ей Матильде Якоб—листочку и брошюру под заглавием „Кризис социал-демократии“.

Она настаивала, чтобы брошюра была издана под ее фамилией, но мы знали, что в таком случае ей грозит заточение в каторжную тюрьму и отказали. Брошюра была помечена псевдонимом Юниус.

Кончился срок, и Роза оказалась опять в наших рядах. Теперь с нами был также Либкнехт, и работа шла уже в широком масштабе. Но уже в июне 1916 г. Люксембург вновь заперли в тюрьму „админи-

стративным порядком". Я тогда сидел также в концентрационном лагере, но знаю, что и тогда Роза Люксембург писала статьи для листовок, которые появлялись под заглавием „Письма Спартака“, знаю и то, что печатание и распространение этих листовок было с течением времени блестяще поставлено, благодаря прежде всего несокрушимой энергии Иогихеса. Вследствие его исключительных конспиративных способностей немецким властям не удавалось арестовать его, несмотря на то, что в виду ареста или высылки на фронт почти всех опытных работников группы „Спартак“, ему приходилось работать уже в довольно широких кругах и посещать многолюдные собрания. Полиции таким образом хорошо было известно, что во главе группы стоит какой-то загадочный иностранец. Весной 1918 г. Иогихеса все-таки арестовали. Попытки товарища Иоффе освободить его не имели успеха, так как Иогихес считался швейцарским гражданином (он действительно еще в 1896 г. приобрел гражданские права в одном из кантонов и в последнее время жил в Берлине по настоящему своему швейцарскому паспорту).

* * *

С Розой Люксембург мне не суждено было больше встретиться. Я приехал из Москвы в Берлин на третий день после катастрофы. Но рассказы участников революционной борьбы подтверждают то, в чем я не сомневался: она вместе с Карлом Либкнехтом была руководящим умом спартаковского движения, а неотступным сподвижником ее и в это время был Иогихес. Его я застал за работой. Он был арестован в дни январьского восстания, но сумел освободиться и тотчас же принялся за работу. Нужно было сконцентрировать разбитые силы, вновь образовать Центральный Комитет спартаковцев-коммунистов, вновь поставить организацию.

Иогихес оказался на высоте призвания: благодаря его энергии, работа партии почти тотчас же после катастрофы была возобновлена. В марте и его настиг злой рок: во время мартовского восстания коммунистов его арестовали и зверски убили в тюрьме.

* * *

Я не в состоянии в данный момент дать обзор научной и политической деятельности Розы Люксембург. На это понадобится много историко-критического труда, тем более, что ее деятельность оплодотворила и польское и немецкое револю-

ционное движение в течение продолжительного периода, а кроме того отразилась на всемирном движении, так как главные силы незабвенного товарища были направлены, начиная с 1897 года, на борьбу с оппортунизмом, как международным явлением.

Но я решаюсь обратить внимание читателя на то, что в последнем своем теоретико-тактическом труде, в брошюре „Кризис социал-демократии“ незабвенный товарищ оставил нам драгоценные указания для будущей работы: я говорю о „тезисах“, помещенных в конце этой брошюры и касающихся Интернационала. Брошюра эта писана, как было упомянуто, в 1916 г. в тюрьме. Авторитетный знаток второго Интернационала, товарищ Люксембург говорит тут ясно и определенно о неизбежности развала второго Интернационала и высказывается за необходимость создать Интернационал на новых основаниях. С того времени многое изменилось: революция и осуществление диктатуры пролетариата в России, а потом в Венгрии, создали новое положение. Но в общем мысль товарища Люксембург остается верной. Именно: она задает себе вопрос, чем должен быть новый Интернационал, и отвечает:

„Классовая борьба в буржуазных государствах против правящих классов и международная солидарность пролетариев всех стран,—это два нераздельных правила рабочих в их всемирной борьбе за свободу. Нет социализма без интернациональной солидарности пролетариата, нет социализма без классовой борьбы. Социалистический пролетариат не может отречься ни во время мира, ни в течение войны от классовой борьбы и от международной солидарности, иначе он покушается на собственную жизнь...“

„В Интернационале лежит центр тяжести классовой организации пролетариата. Интернационал определяет, во время мира и во время войны, тактику национальных секций в вопросах милитаризма, колониальной политики, торговых договоров, майского праздника и общую тактику в случае войны. Обязанность исполнять решения Интернационала стоит выше всех иных организационных обязанностей. Национальные секции, не подчиняющиеся этим решениям, ставят себя вне Интернационала“.

Сейчас мы еще далеки от организации такого Интернационала, но, работая в этом направлении, мы действуем по завету незабвенной мученицы нашей идеи.

Ю. МАРХЛЕВСКИЙ (КАРСКИЙ).

Содержание 3-го номера.

	стр.		стр.
К трудящимся всех стран.—Новая форма интервенции. К рабочим Англии, Франции, Италии и Америки. Воззвание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала	277	Отзывы интернациональных социалистов о Бернской конференции	370
К. Цеткина. Да здравствует III социалистический Интернационал!	283	„Avanti“ о Бернской конференции	372
Э. Панкхёрст. Рабочие и Лига народов	289	Из деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.	
Г. Гортер. Мировая революция (глава из новой книги)	297	Приветствие съезду Социалистической Партии Венгрии	373
М. Горький. Замечательная книга („В огне“ Анри Барбюса)	301	Приветствие коммунистам Словакии	374
Дж. Маклин. Положение углекопов	305	К убийству Розы Люксембург. Обращение к Коммунистической Партии Германии	375
В. Милютин. Экономическая программа коммунистов	307	Доклады делегатов на I-м съезде Коммунистического Интернационала.	
Ю. Хевеши. Экономическая революция в Венгрии	315	Доклад тов. Н. Грубера (Австрия)	377
И. Милкич. Социализм в Сербии	319	Доклад тов. Ж. Садуля (Франция)	381
П. Стучка. Пять месяцев Советской Латвии	327	Доклад тов. Л. Троцкого (Россия)	385
Е. Блонина. Перспективы революции во Франции	333	Доклад тов. Ф. Платтена (Швейцария)	387
Н. Фор. Демократия и большевизм	339	Доклад тов. А. Руднянского (Венгрия)	391
А. Гильбо. От Врест-Лиговска до Версаля	341	Доклад тов. О. Гримлуна (Швеция)	393
Г. Зиновьев. ФРАНЦ МЕРИНГ (1846—1919)	345	Доклад тов. Н. Сирола (Финляндия)	393
М.—В. ВОЛАДАРСКИЙ. (1891—1918)	349	Отчеты и Хроника.	
Ю. Мархлевский (Карский). Памяти Розы Люксембург и Льва Троцкого (Из личных воспоминаний)	353	Ф. Англия	397
Документы Интернационального Коммунистического Движения.		А. Картины. Франция	400
Приоединение к Коммунистическому Интернационалу Шведской, Норвежской и Болгарской партий	365	А. Берзин (Винтер) Праздник международной солидарности (Первое мая на Западе)	402
Итальянская социалистическая партия и III Интернационал	366	А. Руднянский. Словацкая Советская Республика	404
Американская социалистическая партия и III Интернационал	367	Г. Кеннет. Развитие германской революции	405
Отклики на Бернскую конференцию: Статья Р. Перика	367	Х. Профессиональные союзы и Комиссариат Труда в Советской России	409
Между стр. 352 и 353 иллюстрации: Франц Меринг.—В. Володарский.—Открытие памятника Володарскому в Петрограде.—Группа членов I-го съезда Коммунистического Интернационала.		Библиография.	
		В. Быстрянский. Процесс Карла Либкнехта	415
		В.—С. Ренэ Маршак. Почему я стал на сторону социальной революции?	415